

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 2, pp. 422–435, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-48-2-422–435
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 39

Антропонимы бурят в исторической динамике

Сэсэгма Гэндэновна Жамбалова¹

¹Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
 (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Республика Бурятия, Российская Федерация)
 доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
 0000-0002-2672-8126. E-mail: zhambalovas@yandex.ru

Аннотация. *Введение.* Сохранение языков народов России — одна из актуальных современных проблем государства, а имя человека — важная часть языка и культуры народа. Социологический мониторинг выявляет сокращение функционирования бурятского языка, однако в достаточной степени развиваются антропонимы бурят. *Цель* — исследование исторической динамики бурятских антропонимов для выявления особенностей этнических процессов в условиях модернизации общества и глобализации. *Материалы.* Статья базируется на архивных, полевых, рукописных, литературных материалах. Антропонимы бурят рассматриваются на диахроническом (XIX–XXI вв.) и синхронном (Предбайкалье и Забайкалье) срезах. *Результаты.* Бурятская антропонимика изучается с 1970-х гг. Анализ материалов показал, что вследствие постоянной трансформации и модернизации, присущих обществу, антропонимы бурят историчны, при этом сохраняется пласт исконно бурятских имен. В XIX в. у предбайкальских бурят распространены исконно бурятские имена, сохранившиеся в фамилиях, русские имена практикуются мало. У бурят-буддистов исконные имена сокращаются из-за экспансии имен тибетского происхождения, ставших бурятскими буддийскими. В XX–XXI вв. становятся распространенными фамилии с буддийской основой. Имя и фамилия несут этноразличительную функцию. С середины XX в. происходит распространение русских имен, в конце XX – XXI в. повышается престиж бурятских имен. Трансграничное положение бурят определило специфику формирования антропонимов: они состоят из элементов монгольской кочевнической, российской (православной) и индо-тибетской (буддийской) культур при достаточном сохранении центрального ядра бурятской традиционной (шаманистской) культуры. Выявлена историческая динамика, свидетельствующая о бурятах как части единого монгольского мира, а также адекватная развитию бурятского общества как части российского и советского региона в составе Российской империи, СССР и РФ. *Выводы.* Исследование тенденций в имяназвании бурят на длительном хронологическом срезе и в широких территориальных рамках выявляет отражение в антропонимах глобальных и локальных фактов истории народа, а также трансформацию его ценностных ориентиров. Буряты сохранили пласт исконно бурятских имен, остальные инновационные пласты (русский, бурятский буддийский, современный бурятский, возрожденный архаичный бурятский) образованы в результате динамического исторического процесса.

Ключевые слова: буряты, Предбайкалье, Забайкалье, антропонимы, историческая динамика, исконно бурятские, бурятские буддийские, русские, современные бурятские, возрождение, сохранение

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект XII.191.1.1. «Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество», номер госрегистрации АААА-А17-117021310269-9).

Для цитирования: Жамбалова С. Г. Антропонимы бурят в исторической динамике // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 2. С. 422–435. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-48-2-422-435

UDC 39

Buryat Anthroponyms in Historical Dynamics

*Sesegma G. Zhambalova*¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS

(6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-2672-8126. E-mail: zhambalovas@yandex.ru

Abstract. Introduction. The issue of preserving Russia's national languages — including Buryat — is urgent enough, and personal name proves an important part of language and culture. Despite the undertaken measures, surveys reveal a decline in the use of the Buryat language. However, the increasing prevalence of ethnic anthroponyms causes no concern. **Goals.** The paper studies the historical dynamics of Buryat anthroponyms to identify specific features of ethnic processes in the contexts of modernization and globalization. **Materials.** The article deals with archival, field, manuscript, and literary sources. The anthroponyms analyzed comprise diachronous layers characterizing the specific dynamics of ethnohistorical processes, and are examined in diachronic (19th – 21st centuries) and synchronic (Cisbaikalia and Transbaikalia) perspectives. **Results.** Linguistic aspects of Buryat anthroponymy have been studied since the 1970s, and two articles have been published by ethnographers. Our analysis shows that due to constant transformation and modernization of the community anthroponyms of the Buryats are essentially historical, with a persistent layer of original Buryat names. Names of 19th-century Cisbaikalia-based Buryats are vividly ethnic which is evident from present-day family names of descendants. Russian names used to be rare enough, and even the few ones were significantly modified to Buryat spelling norms. Names of Transbaikalia-based Buryats experienced a dramatic inflow of Tibetan Buddhist anthroponyms soon recognized as Buryat Buddhist ones. The tradition to take surnames by personal names of fathers resulted in that Buddhist-stemmed family names have become common in the area in the 20th – 21st centuries. These processes have led to that personal name and surname acquire an ethno-discriminating function among the people. The mid-20th century (Soviet era) onwards witnessed a spread of Russian names, and the latter still constitute quite a share in the late 20th – early 21st centuries but prestige of Buryat names does increase, the list being replenished with modern sonorous anthroponyms. The cross-border location of Buryats determines certain specific features in the shaping of anthroponymic clusters: those comprise elements of Mongolian (nomadic), Russian (Orthodox Christian), and Indo-Tibetan (Buddhist) cultures — with a sufficient central core of Buryat traditional (shamanistic) elements. The paper reveals the historical dynamics describing the Buryats both as part of the universal Mongolic world, and — in social developmental perspectives — as part of Russian and Soviet structures (Russian Empire, USSR, and Russian Federation). **Conclusions.** The study of Buryat name-giving trends shows (chronologically and territorially) anthroponyms mirror key global and local facts of ethnic history, transformed value paradigms. The Buryats retain a layer of original ancient Buryat names, the rest (Russian, Buryat Buddhist, modern Buryat, revived archaic Buryat ones) having been formed as results of the dynamic historical process.

Keywords: Buryats, Cisbaikalia, Transbaikalia, anthroponyms, historical dynamics, original Buryat, Buryat Buddhist, Russian, modern Buryat, revival, preservation

Acknowledgements: The reported study was funded by government subsidy — project no. XII.191.1.1. ‘Transboundary Areas of Russia, Mongolia and China: History, Culture, Contemporary Society’, state reg. no. AAAA-A17-117021310269-9.

For citation: Zhambalova S. G. Buryat Anthroponyms in Historical Dynamics. *Oriental Studies*. 2020; Vol. 13(2): 422–435 (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-48-2-422-435

Введение

Цель статьи, базирующейся на архивных, полевых, рукописных и литературных материалах, — исследовать историческую динамику сегмента бурятской ономастики, антропонимов, личных имен, идентифицирующих человека, для выявления особенностей этнических процессов у одного из сибирских народов в условиях модернизации общества и глобализации. В настоящее время вопрос сохранения национальных языков народов России, в том числе бурятского, является одним из приоритетных и находится на российском государственном уровне. Национальное имя человека — важная часть языка и культуры — нуждается в сохранении, возрождении, защите, изучении, практических рекомендациях. Важным представляется то обстоятельство, что буряты, в отличие, например, от якутов и некоторых других народов России, в достаточной степени сохранили антропонимическое богатство языка и развивают его. М. У. Монраев объективно считает: «Народ может потерять язык, исчезнуть как нация в результате ассимиляции <...>, но в памяти останутся географические названия, личные имена и фамилии, по которым можно судить о самом народе, его культуре, языке, традициях и обычаях. В этом и состоит своеобразие ономастики <...>, появившейся на стыке нескольких научных дисциплин: географии, истории, лингвистики, этнографии, литературы и являющейся частью (фрагментом) языковой картины мира конкретного этноса, отражающей его ментальность» [Монраев 2012: 7].

В тенденциях имянаречения бурят на длительном хронологическом срезе находят отражение глобальные и локальные факты истории народа, а также ментальные изменения и ценностные ориентации социума,

меняющиеся со временем. Л. М. Городиловой верно отмечено: «<...> антропонимы <...> несут в себе повышенную социальную функцию идентификации личности <...> в свое понятийное содержание включают этнографическую, историческую, социальную и культурологическую информацию и очень быстро реагируют на любые изменения, происходящие в обществе» [Городилова 2012: 80].

Данное исследование темы актуально вследствие определенной новизны, обусловленной рассмотрением некоторых новых граней объекта на более объемных материалах с позиций историзма. Бурятские антропонимы представляют собой прозрачные акцентированные напластования, характеризующие специфику этно-исторических процессов. Статья вводит в научный оборот интересный пласт архаичных имен — как возрождаемых народом, так и перспективных для их возрождения с точки зрения красоты звучания, их краткой и полной формы, сочетания с фамилией, позитивной смысловой нагрузки и созвучности с современным миром. Практическое значение статьи усугубляется тем, что ряд забытых благозвучных архаичных имен, приведенных здесь, сохраняется в архивных документах, мало доступных для народа.

Тема рассматривается на диахроническом (XIX–XXI вв.) и синхронном (Предбайкалье и Забайкалье) срезах, позволяющих использовать компаративистскую методологию. Современный бурятский народ представляет собой две большие этнографические группы — предбайкальские и забайкальские буряты, образовавшиеся в немалой степени из-за обширной этнической территории, разделенной оз. Байкал, распространением буддизма, православия, некоторой дифференцированностью

специфики присоединения двух зон этнической территории бурят к России, политикой Российской империи, СССР и др.

Бурятская антропонимика, по мнению Ц. Б. Цыдендамбаева, до 1970-х гг. изучалась меньше, чем другие разделы ономастики [Цыдендамбаев 1976: 12]. С тех пор появился целый ряд филологических исследований: [Алдарова 1979; Митрошкина 1987; Шулунова 1995].

В постсоветское время антропонимы монгольских народов исследует И. А. Ламожапова, в ее работе о структуре и семантике личных имен монгольских народов рассмотрен довольно большой объем бурятских материалов [Ламожапова 2001].

Исследование В. И. Семеновой, посвященное системе личных имен у эхиритских бурят [Семенова 2005], напротив, базируется на локальном материале.

Антропонимам посвящены публикации: [Цыдендамбаев 1976; Алдарова 1976; Митрошкина 1984; Митрошкина 2006; Бадмаева 1999].

Этот обзор охватывает основные работы, близкие по теме, оставляя за рамками другие труды филологов по тем или иным аспектам бурятской антропонимии. В филологических исследованиях темы присутствуют отсылки к этнографическим работам, так как имена собственные — это «достаточно консервативный слой, содержащий уникальные сведения не только о языке, но и о культуре и истории народа» [Шулунова 1995: 3].

Этнолог К. Д. Басаева написала интересную статью на основе полевых этнографических материалов советского времени [Басаева 1976]. Мной было сделано сообщение в качестве постановки вопроса об исторических тенденциях в имяназвании бурят [Жамбалова 2010].

Исконно бурятские имена

Важным представляется отмеченный А. Г. Митрошкиной факт наличия инвариантных, постоянных, универсальных общепурятских имен, практикуемых на всей этнической территории бурят, сохраняющих исконную религию народа — шаманизм [Митрошкина 1987: 15–21]. Это подтверждает мнение других ученых о целостности бурят до определенного периода [Хангалов 1958: 105; Токарев 1953:

128–129; Павлинская 2008: 194–198]. Об этом свидетельствуют некоторая общность хозяйственных занятий, маршруты кочевков, выявленные по архивным данным, например, Е. М. Залкиндом и др., общность шаманистской обрядности, а также антропонимы [Залкинд 1958: 166–168].

Для знатоков родного языка исконно бурятские имена имеют прозрачное смысловое значение. В настоящее время наиболее распространенными в Бурятии считаются имена: *Баир, Батор, Бата, Баясхалан, Билигто, Булат, Жаргал, Зоригто, Хэшигто, Сэсэг* и др. В интернет-пространстве появилось немало справочников бурятских имен; интересно то, что в них тибетские имена обязательно имеют указание на происхождение, а исконно бурятские — нет. В этих справочниках нередко перепечатываются материалы серьезных публикаций. Из одной из них взяты следующие забытые имена: *Сагаан* ‘белый’, *Тургэн* ‘быстрый’, *Борсой* — от слова *борсогор* — ‘быть съевшимся’, *Табгай* ‘лапа’ или ‘ступня’ и др. [Справочник личных имен 1987: 233]. Они закрепились до нашего времени в бурятских фамилиях, образованных от имени отца в конце XIX – в первой половине XX в.

Один из наиболее достоверных источников для выявления исконно бурятского антропонима — бурятские фамилии, образованные от имен. Наиболее хорошо они сохранились в Предбайкалье и удаленных районах Забайкалья. Основной их массив — благозвучные фамилии, однако есть некоторые, явно негативное значение которых в переводе на русский язык приводит в замешательство: они образованы от так называемых «плохих» имен. Их специально давали новорожденным в семьях, где дети не выживали, для отпугивания злых духов, забирающих души детей. Н. Б. Алдарова определяет такие имена как охранные [Алдарова 1976: 69].

Подобная ситуация характерна для многих народов, в том числе и для монголоязычных калмыков. Стремление родителей оградить от злой судьбы, от всевозможных напастей (сглаз, злые духи, болезнь) заставляло называть детей нарочито неблагозвучными именами [Сельвина 1984: 89].

В советское время А. Г. Митрошкина, сравнивая антропонимы предбайкальских и забайкальских бурят, объективно отме-

чает: «Именник же предбайкальских бурят продолжает оставаться чрезвычайно обширным, различаясь от улуса к улусу» [Митрошкина 1987: 94]. Думается, что исследователь говорит о глубокой сохранности у них исконно бурятских имен. В то же время ясно, что в советское время список таких личных имен значительно сократился. Зато большой массив исконно бурятских имен XIX в., большинство которых сохранилось только в фамилиях, зафиксирован в архивных материалах Степных дум. Об этом свидетельствует ранее опубликованная выборка имен и фамилий из различных архивных дел Ольхонской степной думы, в целом идентичных именам из фондов других степных дум Предбайкалья. В документах XIX в. фигурируют следующие имена и фамилии: Булан Багаев, Харнут Бальхеев, Баин Банаев, Хамаган Бахонов, Заяхай Болдоев, Бороной Бортноев, Мосой Ботогонов, Музай Бураев, Ханки Долотханов, Хулун Кутанов, Бардалей Мангудаев, Буру Могзонов, Дархей Модогоев, Модой Моксоев, Тайсу Монсоев, Болдок Наманов, Бабахай Ныгдеев, Хамархан Ныхыдов, Булгандай Отханов, Атан Пашков, Манса Тыпкеев, Халуй Хадаев, Башин Холутов, Буртуха Хоренов, Хохой Хутанов, Тымуркан Ятунов и др. [Жамбалова 2010: 156].

Следующая выборка имен извлечена из ведомости о числе душ инородцев, обложенных ясаком в 1837 г. Они свидетельствуют об обширном списке исконно бурятских имен: Абызай, Адун, Айдай, Бадахай, Бадагар, Багай, Баиндай, Байдай, Байма, Балду, Балдай, Бальхей, Бардалей, Барта, Бартан, Басай, Батур, Батор, Бахай, Бичанхай, Борсой, Борто, Борхок, Ботогор, Будан, Буинта, Бужигей, Булат, Булгат, Булсар, Буна, Бутухан, Буха, Буян, Дали, Данба, Далбан, Дашей, Денешка, Дудей, Дыркун, Именохой, Имышкен, Имихел, Имышыр, Инкежин, Забан, Зуран, Зурма, Маркусей, Мангат, Мальжу, Мазай, Матхан, Анажа, Ортогой, Табитуй, Тайса, Танган, Таряша, Тыжыбей, Тыжигир, Укучей, Хамнай, Ханхай, Харнут, Хомон, Хорен, Хурумчей, Цыбыней, Чоготой, Ылбык и др. [ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 266. Л. 7–14].

Родословные записи с. Хохорск Боханского района (Боханская степная дума), осуществленные А. А. Ванкевич (Танганова) по материалам XX – начала XXI в., свиде-

тельствуют, что приведенные выше имена были распространены во всем Предбайкалье, а ранее, возможно, и в Забайкалье. Там мы находим имена Шаргай, Шаанги, Боддой, Богомол, Эмэгшэн, Хорёон и др. [Жамбалова 2008: 74].

Приведенные выше имена почти в полном объеме закрепились в фамилиях современных предбайкальских бурят. Об этом свидетельствуют, например, фамилии известных людей, а также фамилии абонентов из телефонного справочника г. Улан-Удэ, из материалов СМИ и т. д. Фамилии передаются из поколения в поколение, что обеспечивает их длительное сохранение в исторической памяти. Они позитивно влияют на этническую идентичность ее носителей. Уникальность предбайкальских бурятских фамилий — одно из важных достояний народа.

Р. Л. Сельвина, базируясь на данных «Сокровенного сказания», объективно считает, что у монголоязычных народов, в том числе у калмыков, сохранились имена с XIII в. Это личные имена Бадай, Джиргал (Жаргал), Хасар, Наран, Мухали, Мороха, Мунко, Буха-Гурген, Гучу, Коко и др. Она также отмечает, что в калмыцкой антропимии бытуют древние калмыцкие имена — названия птиц и животных: Бух ‘бык’, Чон ‘волк’, Булгн ‘соболь’, Эля ‘орел’, Харцх ‘ястреб’ [Сельвина 1984: 87, 89].

Буряты сохранили несколько имен из такого ряда, например, в приведенном выше списке есть имя Адун ‘лошади; табун’, Буха ‘бык’, в «Справочник личных имен народов РСФСР» 1987 г. включены Булган (соболь), Бургэд (орел), Гулгэн (щенок) [Справочник личных имен 1987: 240–241]. В телефонном справочнике г. Улан-Удэ имеются фамилии, образованные от подобных имен: Азаргаев (от слова ‘жеребец’), Бухаев ‘бык’, Нохоев ‘собака’, Хусаев ‘баран’, Шоноев ‘волк’ и др.

Русские антропимы у бурят

Присоединение Бурятии к России привело первоначально к некоторому распространению русских имен у предбайкальских бурят. Понятно, что многие из них заимствованы из других языков, однако здесь называем их русскими. В дореволюционное время в повседневной жизни бурят эти имена, если даже они были закреплены официально, правильно использовались довольно

редко. Их практика у предбайкальских бурят в Российской империи имеет некоторую специфику. В домашнем, повседневном, обиходе русские имена подвергались адаптации к бурятскому языку и имели особые варианты произношения. Имя Афанасий превращалось в *Опоо*, Спиридон в *Пирдай* [Митрошкина 2006: 33]. Список можно продолжить: Михаил — *Маниши*, Василий — *Башиши* и др.

Такая же ситуация сложилась у монголов: Володя звучало и писалось *Болоож*, а Александр — *Алагсандар* [Энхбат 2006: 104]. У калмыков имя Василий трансформировалось в *Басил*, Алексей — в *Элекся*, Андрей — в *Андра*, Мария — в *Мара*, Роман — в *Арман*, Фекла — в *Пекля* и др. [Справочник личных имен 1987: 257].

Известно, что буряты часто заимствовали уменьшительные формы русских имен в качестве полных, например *Катька*, *Митра*, *Степка* [Митрошкина 1987: 96]. От этих адаптированных имен образовывались закрепленные бурятские фамилии: Васкинов, Гришкинов, Митрошкин, Мотошкин, Пронькинов и др. Постепенно круг русских имен расширялся, активизировало этот процесс углубление социально-экономических контактов бурят с русскими, а также христианизация бурят, в большей мере охватившая предбайкальских. Практики нарекания забайкальских бурят русскими именами в дореволюционное время практически не было.

Буддийские антропонимы бурят

Тотальное распространение буддизма, начиная с конца XVII в. в Забайкалье и гораздо позже локально и кратковременно в Предбайкалье (аларские, ольхонские и др. буряты), привело к широкому распространению у забайкальских бурят имен с санскритской и тибетской основами. Причина кроется в том, что буддизм проник во все сферы повседневной жизни бурят. К буддийским священнослужителям (ламам) стали обращаться во всех важных жизненных ситуациях, в том числе при имянаречении ребенка. Лама дает имя по соответствующим каноническим книгам, исходя из точного времени рождения, поэтому буддийские имена обладают охранной функцией, усиливающейся влиянием планет на судьбу человека.

Каждый день недели связан с одной из следующих планет: Солнце, Луна, Марс, Меркурий, Юпитер, Венера и Сатурн. Воскресенье связано с Солнцем, в бурятской культуре ему соответствуют имена на следующих языках: на санскрите — *Адьяа*, на тибетском — *Нима*, на монгольском, а значит, и бурятском — *Наран*. Далее приведены примеры имен, даваемых в другие дни недели соответственно указанному выше порядку. Понедельник (Луна): *Ангараг*, *Даба*, *Саран*; вторник (Марс): *Буда*, *Мигмар*, *Улан-Нюдэн*; среда (Меркурий): *Бархасбадь*, *Лхагва*, *Улэмжи*; четверг (Юпитер): *Сугар*, *Пурбо*, *Гадас*; пятница (Венера): *Санчир*, *Баасан*, *Солбон*; суббота (Сатурн): *Сумьяа*, *Бимба*, *Хэиэг* [Олзоева 2015]. Имена из этого списка распространены в основном у забайкальских бурят. Из них наиболее часто встречаются исконно монголоязычные (бурятские) имена. Также широко распространены имена тибетского происхождения. Из санскритских, видимо, было популярно одно имя — *Буда*, так как от него образована одна из часто встречающихся сегодня фамилий — *Будаев*, хотя само имя встречается редко. Другие санскритские имена из этого списка редко востребованы, начиная с советского периода: ими и другими редкими, как *Бидия*, именами обычно нарекают детей практикующие буддисты-миряне. В данном случае это имя известного бурятского буддолога, философа и буддийского духовного наставника Бидия Дандаровича Дандарова. Калмыки также давали имена по приведенным здесь правилам [Монраев 2012: 14–15].

А. М. Позднеев зафиксировал у монголов сложные буддийские обряды, связанные с рождением ребенка и его наречением. Данный материал дает представление о несколько ином формате практики имянаречения, который бытовал также у российских буддистов (забайкальские буряты, калмыки, тувинцы). По качеству исполнения они различны для разных сословий. Для имянаречения лама-астролог (*зурхайчи*) соотносит год, месяц и день рождения с показаниями двенадцатой главы книги «*Вайдурья карпо*». В буддийской астрологии все числа месяца делятся на пять разделов *гараг*, каждый из которых имеет название. Новорожденному дается имя в соответствии с названием *гараг*, в который он родился. Например, *гараг*

1-го, 6-го, 11-го, 16-го, 21-го, и 26-го чисел каждого месяца носит название *Доржи*. *Гараг* 2-го, 7-го, 12-го, 17-го, 22-го и 27-го числа называется *Ринчин* и т. д. Поэтому дети, родившиеся в эти дни, могли получить соответствующее имя. Иногда тибетские имена заменяют монгольским переводом, например, *Доржи* — *Очир*, *Ринчин* — *Эрдэни*. Эти два имени имеют одинаковый смысл, но самостоятельны, т. е. ребенку можно дать имя или *Доржи*, или *Очир*. Также есть порядок, при котором один из этих имен давали рожденным в этот день мальчикам, а другой — девочкам. Например, мальчика нарекут *Доржи*, а девочку — *Очир*. Простолюдины почти всегда имели простые имена, для детей высородных людей составляли сложные, сочетавшие начальные слоги названия *гараг* и названия звезды, под которой он родился [Позднеев 1993: 412–414, 416–420].

Имена буддийского происхождения давно не считаются у бурят иноязычными, они за несколько веков бытования, как объективно отмечает К. Д. Басаева, «прочно и органически вошли в лексический состав языка забайкальских бурят, что <...> воспринимаются как собственно бурятские» [Басаева 1976: 86–87]. К тому же данная смена именика забайкальских бурят не привела к изменению структуры моделей их антропонимии [Митрошкина 1987: 94].

В современной повседневной жизни имена с буддийской основой считаются бурятскими в противовес русским или иным, если даже последние практикуются с давних пор — русские имена не вошли в бурятский именник.

В Предбайкалье буддизм не успел укрепиться по многим причинам, в том числе из-за активного процесса советского воинствующего атеизма. Буддийские имена в настоящее время сохраняются здесь в некоторых фамилиях и отчествах людей, родившихся в первой половине XX в. Примером могут явиться имена известных ученых, выходцев из аларских бурят: д-р филол. н., проф., чл.-корр. РАН Александр Бадмаевич Соктоев; д-р ист. наук, проф. Геннадий Доржиевич Басаев и др.

В XXI в. некоторые современные предбайкальские буряты дают детям буддийские имена: начиная с советского времени в г. Улан-Удэ и других поселениях респу-

блики проживает много выходцев из Предбайкалья, а некоторые забайкальские буряты живут в Предбайкалье. Браки между бурятами — буддистами и шаманистами — становятся обычной практикой, а в постсоветское время в Иркутской области появились буддийские общины. Как видно, смена бурятского именика свидетельствует о процессах консолидации этноса в условиях глобализации.

Экспансия имен, даваемых по буддийским стандартам, привела к тому, что в XIX — начале XX в. у забайкальских бурят постепенно значительно сократился именник исконно бурятских имен. О том, как происходит смена имен в межпоколенной ротации, свидетельствуют рукописные родословные, сохраненные в отдельных поселениях и семьях. Если сделать выборку имен из рукописной родословной Гэндэна Раднаевича Жамбалова, 1920 г. р. из рода натаг харанут, то видно, как имена с прозрачной тибетско-санскритской основой сменяются в более глубоких пластах на исконно бурятские: Гэндэн — Жамбал — Радна — Банзаракца — Халжуухан — Тэгнуу — Ахан — Хобоохан — Сабидар — Давджихан [Жамбалова 2010: 158].

Такая ситуация характерна для всего монголоязычного буддийского мира. И. А. Ламожапова приводит ряд примеров о доминировании имен тибетского происхождения у монгольских буддистов, в том числе у бурят. В структурном плане в именах развивается многокомпонентность, у монголов встречаются до шести частей в одном имени. Она отмечает, что принятие буддизма «ярко отражается на антропимическом корпусе как по языку-источнику, так и в структуре» [Ламожапова 2015: 152].

У бурят многокомпонентные (более двух) имена встречались редко. В основном практиковались двух- и однокомпонентные имена. А. Г. Митрошкина отмечает следующее: «Наводнение именика восточных бурят каноническими именами иноязычного происхождения привело к некоторому изменению характера их функционирования. Количество имен сократилось, что привело к увеличению частоты употребления одних и тех же имен. Имена типа *Доржо*, *Гарма*, *Бадма* и т. п. были наиболее употребительными для поклонников ламаизма. Именник восточных бурят становится единым во

всех говорах» [Митрошкина 1987: 95]. Данное состояние, скорее всего, надо отнести к атеистическому советскому периоду.

Антропонимы бурят в советское время претерпели значительные трансформации. В основе бурятского именника остались те же три пласта: исконно бурятские, бурятские буддийские и русские, зато несколько изменилось их соотношение. Несмотря на то, что буддийские имена стали считаться бурятскими, они до настоящего времени выделяются в отдельный пласт, что обусловлено их активным бытованием в одной части этнической территории народа, в Забайкалье. Поэтому в советское и постсоветское время продолжает сохраняться разделение имен на исконно бурятские и бурятские буддийские. К периоду развитого социализма все большее распространение получают русские имена, как наиболее престижные, в том числе у забайкальских бурят. Л. Д. Бадмаева для семиотического анализа проводила выборку исконно бурятских имен из «Справочника личных имен РСФСР» 1987 г. и обнаружила, что из 1 000 только 10 % являются таковыми. Она отмечает максимальную загруженность бурятской антропонимии иноязычным материалом, а значит и соответствующими моделями мира, отраженными в языковых единицах [Бадмаева 1999: 22]. Вследствие того, что выборка проводилась из справочника периода развитого социализма, характеризующегося наибольшей степенью унификации культуры по советскому образцу на всем пространстве СССР, можно считать, что это был период наибольшего влияния русской антропонимической системы.

К. Д. Басаева выявила тенденции в именоназвании детей в бурятских семьях колхоза «Эрдэм» Селенгинского аймака Бурятской АССР. Для анализа были взяты имена 472 детей, родившихся за 13 лет с 1960 по 1972 гг. Из 259 мальчиков бурятскими именами, включая исконные и буддийские, нарекли 131 чел., русскими — 128; из 213 девочек 59 получили бурятские, а 154 — русские имена. Как видно, большинство девочек нарекли русскими именами. Самыми популярными из 49 использованных были модные для того времени: *Лариса* — 13 чел., *Светлана*, *Людмила* — 12, *Марина* — 9, *Елена* — 7. Встречались также *Стелла*, *Инга*, *Изольда*, *Жанна* и др. Распространен-

ными женскими бурятскими именами из 33 были *Сэсэгма*, *Сэсэг* — 9, *Туяна* — 7, *Баярма*, *Дарима* — 4.

При анализе мужских имен выявлено, что 131 мальчик были названы 56 бурятскими именами: *Баир* — 17, *Батор* — 11, *Зоригто* — 7, *Жаргал*, *Доржо* — по 6, *Чингис*, *Мунхэ* — по 5, *Найдан*, *Намсарай* — по 4, *Даши*, *Дамдин* — по 3. В мужских и женских именах отмечено малое количество (10 %) двухкомпонентных имен [Басаева 1976: 88–92]. Видно, что в советское время сохраняются наиболее благозвучные бурятские имена, среди которых немало исконно бурятских. Однако следует иметь в виду, что подобная картина не может быть однозначно типичной для всей этнической территории бурят.

В советское время, как и теперь, в Бурятии были и есть районы с более высокой степенью религиозности населения. Судя по полевым материалам, буддийские традиции более активно сохраняются в Еравнинском, Кижингинском, Хоринском районах Республики Бурятия (далее — РБ), Агинском Бурятском округе, здесь чаще встречаются двухкомпонентные бурятские имена. В советское время жители этих регионов старались, чтобы ламы нарекали детей именами, несмотря на то, что до середины XX в. обращение к ним было ограничено из-за их малого числа, а открывшийся Иволгинский дацан был удален от центра. Из-за отсутствия возможности получить имя по астрологическим прогнозам лам имена бурят-буддистов становились более однообразными и малокомпонентными.

Сокращение структуры имени было обусловлено также следующей инновацией для бурят. С обязательным распространением в советское время фамилий и имени с отчеством двухкомпонентные имена усложнили их употребление, что приводило к постепенному отказу от сложных. Если в официальных документах была зафиксирована двойная основа фамилии, имени и отчества, например, *Бадмажапов Лубсандоржо Батомункуевич*, то в разговорной речи чаще употреблялся один элемент многокомпонентного имени — *Лубсан Мункуевич* [Басаева 1976: 87].

В советское время, отмечают русские жители Бурятии, особенно в середине XX в., официальные бурятские имена в бытовом

обиходе и нередко в рабочих коллективах стали подменять русскими: *Сэсэгму* часто называли *Светой* или *Розой*, *Баира* — *Борисом* и т. п. [Жамбалова, Игауэ 2010: 267]. Ценностная ориентация была направлена на русское имя как на наиболее привлекательное, кроме того, русские знакомые или коллеги для удобства произношения просили подменить бурятское имя на русское. Объективно подмена национального антропонима именем доминирующего языка — явление неблагоприятное. Но в силу широкого бытования этого поветрия в обществе, где происходила русификация / советизация, к нему относились терпимо. Следует отметить, что подобная практика не является исключительно российской / советской, она характерна для многих полиэтничных стран. К концу XX в. такая практика пошла на спад, что было обусловлено «стиранием» советского образа жизни и набиравшими оборот тенденциями возрождения традиционной культуры народа, углублением этнического самосознания.

Ситуацию иллюстрирует устная история Галины Батоевны Тудиновой, родившейся в 1940 г. в г. Улан-Удэ на стеклозаводе, где работали ее ссыльные родители: мать — дочь кулаков и отец — репрессированный буддийский священнослужитель, *габжа*. После гибели отца на фронте она с матерью вернулась в с. Улзар Джидинского района Бурятии.

Рассказывая об именах членов семьи, она замечает, что имена детям обычно давал лама, но в советское время из-за их отсутствия имя давали по дням недели, например, если мальчик родился в субботу, то его называли *Бимба*. Потом начали давать русские имена, а с 1990-х гг. стало больше бурятских, но уже более сложных, данных по гаданию, а не по дням недели. Она говорит: «Я хотела старшего сына, который родился в 1966 г., назвать *Дамдин-Сурэн*, а муж никак не хотел, и назвали Валерой. По паспорту Валера, а дома — *Дамдин*, *Дандю*. Два имени. <...> Когда мы родились, отец дал нам с братом русские имена — Галя, Толя. Он был *габжа*, но хотел, чтоб у нас были русские имена» [Жамбалова 2013: 88]. Других ее детей зовут *Зоригто* (1969 г. р.) и *Виктория* (1980 г. р.). Детей Валерия зовут *Эрдэни* (2004 г. р.) и *Анна* (2007 г. р.), у Зоригто трое сыновей: *Булат* (1991 г. р.), *Ар-*

салан (1997 г. р.), *Доржи-Нима* (2006 г. р.). У Виктории сын *Биликто* (2002 г. р.), дочь *Номин-Дулма* (2007 г. р.) [Жамбалова 2013: 37–38].

В 1970–1980-е гг. список женских имен пополнился возрожденными старыми или новыми благозвучными антропонимами: *Аюна* (медведица), *Арюна* (светлая), *Номин* (изумруд), *Саяна* (в честь Восточных Саян), *Соелма* (культура), *Туяна* (сияние), *Эржэна* (перламутр) и т. п. С тех пор по настоящее время это одни из самых популярных женских имен. Иногда родители нарекали детей новыми, не получившими в дальнейшем широкого распространения именами, например, женским *Индранил* (сапфир), мужскими — *Абай-Гэсэр*, *Аламжи-Мэргэн* и др.

Как видно, тогда началось наречение мальчиков именами эпических и исторических героев, это новая линия развития бурятского именника. Ее возникновение, с одной стороны, обусловлено ослаблением традиционализма у людей, так как прежде имена божеств, вождей, героев, людей более высокого социального статуса, в том числе свекра, а также названия тотемных животных были табуированы. Было запрещено называть их по имени, которое в случае необходимости заменяли эвфемизмами. С другой стороны, этот интерес был вызван политикой СССР, направленной на сохранение национальной культуры народов страны. Распространение имени героя эпоса «Гэсэр», возможно, обусловлено тем, что начиная с 1940-х гг. прошла большая акция советского государства по возрождению и сохранению героического эпоса. Сводный текст эпоса в переводе С. И. Липкина был опубликован в 1959 г. к 300-летию вхождения Бурятии в состав России, в 1980-е гг. в Улан-Удэ и Москве опубликованы два издания сводного текста Н. Г. Балдано, в постсоветское время появляется ряд публикаций оригинального текста эпоса [Жамбалова 2020: 115]. Интересна судьба персонального имени-титла *Чингисхан*, данного основателю Монгольской империи, — в степной титулатуре оно было присвоено только одному человеку, и в истории более не встречается [Мынбаев 2014]. Тем не менее, в советское время в Бурятии и МНР появляется и получает распространение мужское имя *Чингис*, *Чингиз*, возникшее в честь Чингисхана. Во время полевых исследова-

ний в 2003 г. в Ордосе Автономного района Внутренней Монголии КНР, где находится мемориал Чингисхана, было выявлено, что монголы здесь не нарекают детей этим именем в силу его сакральности, считая его непосильным для простого человека. Такое же мнение бытует и среди бурят, но новация прижилась, вероятно, потому что имена детям дают в основном молодые родители, не согласовывая ни с кем. Это отношение сохраняется ко всем именам из этого разряда, включая имя *Саян* [*Справочник личных имен 1987: 253*].

Антропонимы бурят в постсоветский период

Перемены, произошедшие в постсоветский период, связанные с возрождением традиционной культуры, отразились также на именнике бурят. Поввысилась престижность исконно бурятских и бурятских буддийских имен, что привело к частоте их использования в общем объеме имяназваний. В это время ламы стали доступны, многие забайкальские буряты дают ребенку имя по его рекомендациям. Есть современные ламы, обученные в тибетских дацанах в Дхарамсале и др., они нередко нарекают сложным или редким именем санскритского происхождения, например, *Абармид* (запредельный), *Адьяа* (солнце), *Буная* (добродетель), *Виндарья* (божественная). Есть ламы, дающие распространенные тибетские имена. Выбор имени зависит, возможно, от степени образованности ламы, а также от воли родителей. Имеются примеры, когда ребенку, особенно из межнациональной семьи, лама дает, например, имя *Намжилма*, а потом оказывается, что в паспорте девочка записана как *Виктория*, а мальчик *Аюша* — *Алексей*. Налицо компромисс, когда родители стремятся, чтобы ребенок был огражден божествами обоих родителей. Кроме того, считается, что наличие нескольких имен запутывает духов и лучше сохраняет жизненную силу ребенка. Предпочтение русскому имени отдается, вероятно, для того, чтобы человек мог легко вписаться в российский социум. Но бывают и обратные случаи, когда ребенка дома зовут русским именем, а записано в документах бурятское.

Современные тенденции в имяназвании бурят довольно прозрачны для всего населения Бурятии. Информант из с. Дунда-Киреть Бичурского района Республики

Бурятия Роза Романовна Лизунова, русская, семейная, родившаяся в 1949 г. в с. Алтачей, рассказала об именах детей своей дочери, которая замужем за односельчанином бурятом и живет по бурятским традициям. Роза Романовна говорит: «Она же пришла в бурятскую семью. Имя внучке *Дымбрылма* дал дед, сам дед был *Дымбрыл*. А сыну имя *Даши* дала дочь, *Дымбрылма*. У всех одноклассников зятя Николая бурятские имена. Почему отец дал ему русское имя, я не знаю. А его мать зовут *Еленой Санжиевной*, она бурятка. Здесь у бурят бывают русские и бурятские имена. Например, *Дымбрылмы* дома зовем *Дашей*, *Дарьей*. Сейчас бурятам стали больше давать бурятские имена» [*Жамбалова, Игауэ 2010: 267*].

Во время полевых этнографических работ в 2008 г. в с. Ацагат Заиграевского района Республики Бурятия в администрации поселения «Ацагатское» записано, что в 2007 г. родилось 10 детей: *Абидуев Жамбал Жаргалович*, *Баймеева Вайсана Жанчиповна*, *Раднаев Бимба Эдуардович*, *Сангалов Цырен Баяртуевич*, *Цыжипов Доржи Арсланович*, *Цыреторов Бэлигто Тумэнович*, *Нимаев Баир Цыренович*, *Цыжипов Содном Чингисович*. Как видно, все дети наречены бурятскими однокомпонентными именами в основном буддийского происхождения.

Х. Д. Энхбат на основании исследования личных имен Монголии по хронологическим срезам 1925, 1955 и 1990 гг. выявил, что за 30 лет, с 1925 по 1955 г., произошла утрата определенного количества старых имен тибетского происхождения и увеличилось число собственно монгольских. В 1990-е гг. с начала демократических преобразований увеличивается количество собственно монгольских имен с прозрачным семантическим значением типа *Оюун*, *Дэлгэр*, *Жаргал*, *Чимэг*, *Номин*, *Солонго* и др., происходит дальнейший процесс отказа от тибетских, санскритских, индоевропейских имен. Также в это время наблюдается тенденция отказа от длинных, непонятных и труднопроизносимых имен. Закладывается начало массового наречения детей именами монгольских исторических лиц, военачальников, героев: *Тэмуджин*, *Чингис*, *Шихухутаг*, *Есүхэй* и др. [*Энхбат 2006: 104*]. Это свидетельство возрождения этнической идентичности, вызванного сменой ценност-

ных установок, открывшейся возможностью героизации прошлого монгольского народа. В Монголии укрепился новый слой собственно монгольских имен, создан новый важный пласт в монгольском именнике.

Эти тенденции отчетливо просматриваются также в Бурятии, где активно практикуется целый ряд новых или редко употребляемых ранее имен: *Алима* (Яблоко), *Алтан* (Золото), *Аяна* (Путешествие), *Ума* и др.

Новые имена появляются у калмыков, наверно, к ним можно отнести имя девочки *Элистина* (от названия города Элисты плюс притяжательный суффикс *-ин*). Якуты возрождают якутские имена или создают новые: *Айал*, *Айтал*, *Айхан*, *Алтан-Сарын*, *Эрхан*, *Эрчим*, *Кудай*, *Айина*, *Кюннэй*, *Саргылана*, *Сардана*, *Саскылана* и др.

На рубеже советской эпохи и в постсоветское время в Бурятии, как и в Монголии, наблюдается возрождение исконно бурятских имен. Известны случаи наречения у предбайкальских бурят именем, исходя из названия племени, рода, от фамилии, имени, отчества родителей, предков: *Ользон*, *Янгут*, *Асалхан* и т. д.

Бурятские творческие работники нередко меняют имя на бурятское. Так поступил художник, академик РАХ *Чингис Бадмаевич Шенхоров* [Действительные члены]. «Отлично» за дипломную работу «Серия пейзажей „Моя Бурятия“» в Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина (ВАХ) он получил как *Ким Бадмаевич Шенхоров* [Ким Шенхоров].

Доподлинно известно, что известный бурятский поэт *Есугей Баторович Сындуев*, окончивший Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М. Горького, имеет официальное имя Сергей [Сындуев Есугей]. Таких примеров немало, и они не являются типично бурятскими, а характерны для многих народов мира.

Выводы

Анализ приведенных достоверных источников позволяет прийти к следующим выводам. Вследствие трансформации и модернизации общества антропонимы бурят историчны. В тенденциях имянаречения бурят на длительном хронологическом срезе находят отражение глобальные и локальные факты истории народа, а также процессы трансформации ценностных ориентаций социума. В XIX в. у предбайкальских бурят широко распространены исконно бурятские имена, в малой степени практикуются русские, у забайкальских бурят, в следствие распространения буддизма, исконные имена сокращаются за счет имен тибетского происхождения, которые признаются бурятскими буддийскими. В XXI в. исконно бурятские имена в большей степени сохранились в фамилиях предбайкальских бурят. Вследствие этих процессов имя и фамилия у бурят приобретают этноразличительную функцию. С середины XX в., в советское время, происходит активное распространение русских имен, в конце XX – XXI в. повышается престиж и стабильность бурятских имен.

Трансграничное положение бурят определило специфику формирования их антропонимов, состоящих из элементов монгольской кочевнической, российской (православной) и индо-тибетской (буддийской) культур при достаточном сохранении центрального ядра бурятской традиционной (шаманистской) культуры в исконно бурятских именах. Выявлена историческая динамика, свидетельствующая о бурятах как части единого монгольского мира, а также адекватная развитию бурятского общества как части российского имперского, советского и российского федеративного региона в составе Российской империи, СССР и РФ. Подобный динамический процесс характерен для антропонимов многих народов России и мира.

Источники

ГА РБ — Государственный архив Республики Бурятия

Литература

Алдарова 1976 — Алдарова Н. Б. Из охранных имен бурят // Труды Бурятского института

общественных наук БФ СО АН СССР. Вып. 26. Сер. Языковедческая. Ономастика Бурятии. Улан-Удэ, 1976. С. 69–84.

Алдарова 1979 — Алдарова Н. Б. Бурятская антропонимическая лексика: исконные личные имена: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1979. 19 с.

- Бадмаева 1999 — *Бадмаева Л. Д.* Семантический анализ бурятских личных имен // Санжеевские чтения — 4: мат-лы Всерос. науч. конф. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. С. 22–23.
- Басаева 1976 — *Басаева К. Д.* Современные тенденции в употреблении личных имен у бурят // Труды Бурятского института общественных наук БФ СО АН СССР. Вып. 26. Сер. Языковедческая. Ономастика Бурятии. Улан-Удэ: Бурятск. филиал СО АН СССР, 1976. С. 85–92.
- Городилова 2012 — *Городилова Л. М.* Историческая антропонимика XX–XXI вв.: направления и проблемы исследования // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 51. С. 79–83.
- Действительные члены — Действительные члены РАХ [электронный ресурс] // Список действительных членов (академиков) Российской академии художеств. Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Действительные_члены_РАХ#Список_действительных_членов_РАХ (дата обращения: 21.12.2019).
- Жамбалова 2008 — *Жамбалова С. Г.* Сохранение и возрождение генеалогической традиции у бурят // Мир Центральной Азии — 2: Сб. науч. ст. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. С. 68–76.
- Жамбалова 2010 — *Жамбалова С. Г.* Исторические тенденции в именназвании бурят. К постановке вопроса // Восток-Запад: аксиолингвистическое представление о мире. Сб. мат-лов Междунар. российско-польской конф. (г. Улан-Удэ, 24–25 сентября 2009 г.). Улан-Удэ: Восточно-Сибирск. гос. ун-т, 2010. С. 150–163.
- Жамбалова 2013 — *Жамбалова С. Г.* Реминисценции кочевого образа жизни на фоне повседневных практик советского и постсоветского времени (устная история Г. Б. Тудиновой). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. 148 с.
- Жамбалова 2020 — *Жамбалова С. Г.* Трансграничный памятник культуры эпос «Gesar» — нематериальное культурное наследие человечества // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2020. № 1. С. 112–117.
- Жамбалова, Игауэ 2010 — *Жамбалова С. Г., Игауэ Н.* Калейдоскоп: этнографические картинки XX – начала XXI в. в устных рассказах народов Бурятии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. 412 с.
- Залкинд 1958 — *Залкинд Е. М.* Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1958. 318 с.
- Ким Шенхоров — Ким Бадмаевич Шенхоров [электронный ресурс] // URL: https://artchive.ru/artists/52131~Kim_Badmaevich_Shenkhorov/works (дата обращения: 21.12.2019).
- Ламожанова 2001 — *Ламожанова И. А.* Исконные личные имена у монгольских народов: структура, семантика: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2001. 19 с.
- Ламожанова 2015 — *Ламожанова И. А.* Антропонимические изоглоссы в монгольских языках // Учёные записки ЗабГУ. Сер.: Филология, история, востоковедение. 2015. № 2 (61). С. 151–157.
- Митрошкина 1984 — *Митрошкина А. Г.* Из истории развития системы бурятских личных имен // Этническая ономастика. Сб. науч. ст. М: Наука, 1984. С. 93–96.
- Митрошкина 1987 — *Митрошкина А. Г.* Бурятская антропонимия. Новосибирск: Наука, 1987. 224 с.
- Митрошкина 2006 — *Митрошкина А. Г.* Вопросы составления лингво-социально-локально-хронологического антропонимического словаря // Ономастическое пространство и национальная культура: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Улан-Удэ, 14–16 сентября 2006 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006. С. 30–34.
- Монраев 2012 — *Монраев М. У.* Калмыцкие личные имена (семантика). Элиста: Издат. дом «Герел», 2012. 255 с.
- Мынбаев 2014 — *Мынбаев Н. Ж.* Об имени и титулах Чингисхана [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2014. № 3. С. 197–206. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_23/7356-mynbaev.html (дата обращения: 12.02.2019).
- Олзоева 2015 — *Олзоева В.* Что объединяет бурятские имена с названиями дней и планет [электронный ресурс] // Агинская правда. Газета Агинского Бурятского округа. 26.01.2015. URL: http://www.aginsk-pravda.ru/news/chto_obedinjaet_burjatskie_imena_s_nazvanijami_dnej_nedeli_i_planet/2015-01-26-3087-987 (дата обращения: 16.12.2019).
- Павлинская 2008 — *Павлинская Л. Р.* Буряты. Очерки этнической истории (XVII–XIX вв.). СПб.: Европейский дом, 2008. 256 с.
- Позднеев 1993 — *Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями

- ми сего последнего к народу. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 492 с.
- Сельвина 1984 — *Сельвина Р. Л.* Калмыцкие личные имена // *Этническая ономастика*. М.: Наука, 1984. С. 87–93.
- Семенова 2005 — *Семенова В. И.* Личные имена эхиритских бурят. Иркутск: Иркутск. ун-т, 2005. 190 с.
- Справочник личных имен 1987 — *Справочник личных имен народов РСФСР* [электронный ресурс] // М.: Рус. яз., 1987. 656 с. URL: <http://padaread.com/?book=49840&pg=2> (дата обращения: 17.12.2019).
- Сындурев Есугей — *Сындурев Есугей* [электронный ресурс] // *Персоналии. Поэты и писатели*. URL: <http://soyol.ru/personas/poets-and-writers/436/> (дата обращения: 15.12.2019).
- Токарев 1953 — *Токарев С. А.* О происхождении бурятского народа // *Советская этнография*. 1953. № 2. С. 37–52.
- Хангалов 1958 — *Хангалов М. Н.* О бурятах, населяющих Иркутскую губернию. // *Собрание сочинений: В 3 т.* Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1958. С. 101–113.
- Цыдендамбаев 1976 — *Цыдендамбаев Ц. Б.* Изучение ономастики Бурятии и исторически связанных с ней регионов — одна из актуальных задач современного бурятоведения // *Труды Бурятского института общественных наук БФ СО АН СССР*. Вып. 26. Сер. Языковедческая. Ономастика Бурятии. Улан-Удэ: Бурятск. филиал СО АН СССР, 1976. С. 3–22.
- Шулунова 1995 — *Шулунова Л. В.* Бурятская ономастика: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Улан-Удэ, 1995. 30 с.
- Энхбат 2006 — *Энхбат Х. Д.* Исследования личных имен монголов по хронологическим разрезам // *Ономастическое пространство и национальная культура: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Улан-Удэ, 14–16 сентября 2006 г.)*. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006. С. 103–105.

Sources

State Archive of the Republic of Buryatia.

References

- [Personal Names of Soviet Peoples: Reference Book]. Moscow: Russkiy Yazyk, 1987. 656 p. Available at: <http://padaread.com/?book=49840&pg=2> (accessed: February 17, 2020). (In Russ.)
- Aldarova N. B. [Buryat Anthroponyms: Indigenous Personal Names]. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 1979. 19 p. (In Russ.)
- Aldarova N. B. Buryat protective names revisited. In: [Buryat Institute of Social Sciences (Siberian Branch) of the USSR Academy of Sciences: Transactions]. Vol. 26. Ser. 'Linguistics. Onomastics of Buryatia'. Ulan-Ude, 1976. Pp. 69–84. (In Russ.)
- Badmaeva L. D. Buryat personal names: semiotic analysis. In: [Sanzheev Readings – 4]. Conf. proc. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch) of RAS, 1999. Pp. 22–23. (In Russ.)
- Basaeva K. D. Personal names of Buryats: contemporary trends. In: In: [Buryat Institute of Social Sciences (Siberian Branch) of the USSR Academy of Sciences: Transactions]. Vol. 26. Ser. 'Linguistics. Onomastics of Buryatia'. Ulan-Ude, 1976. Pp. 85–92. (In Russ.)
- Enkhbat Kh. D. Investigating Mongol personal names: chronological perspectives. In: [Onomastic Environment and Ethnic Culture]. Conf. proc. (Ulan-Ude; September 14–16, 2006). Ulan-Ude: Buryat State University, 2006. Pp. 103–105. (In Russ.)
- Gorodilova L. M. The historical anthroponymics of the 20th-21st centuries: directions and problems of the research. *Buryat State University Bulletin*. 2012. No. 1. Pp. 79–83. (In Russ.)
- Khangalov M. N. About Buryats of Irkutsk Governorate. In: [Collected Works]. In 3 vols. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1958. Pp. 101–113. (In Russ.)
- Kim B. Shenkhorov (pictorial works). Available at: https://artchive.ru/artists/52131~Kim_Badmaevich_Shenkhorov/works (accessed: February 21, 2020). (In Russ.)
- Lamozhapova I. A. [Indigenous Mongol Names: Structure, Semantics]. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Irkutsk, 2001. 19 p. (In Russ.)
- Lamozhapova I. A. Anthroponomical isoglosses in the Mongolian languages. *Uchenye zapiski ZabGU*. 2015. No. 2 (61). Pp. 151–157. (In Russ.)
- Mitroshkina A. G. [Buryat Anthroponymy]. Novosibirsk: Nauka, 1987. 224 p. (In Russ.)
- Mitroshkina A. G. Compiling an anthroponymic dictionary: linguosocial, local and chronological aspects. In: [Onomastic Environment and Ethnic Culture]. Conf. proc. (Ulan-Ude; September 14–16, 2006). Ulan-Ude: Buryat State University, 2006. Pp. 30–34. (In Russ.)
- Mitroshkina A. G. System of Buryat personal names: glimpses of history. In: [Ethnic Onomastics]. Coll. papers. Moscow: Nauka, 1984. Pp. 93–96. (In Russ.)

- Monraev M. U. [Kalmyk Personal Names: Semantics]. Elista: Gerel, 2012. 255 p. (In Russ.)
- Mynbayev N. Zh. About the name and titles of Genghis Khan. *The New Research of Tuva*. 2014. No. 3. Pp. 197–206. Available at: https://www.tuva.asia/journal/issue_23/7356-mynbaev.html (accessed: February 12, 2020). (In Russ.)
- Olzoeva V. Buryat names and names of planets and weekdays: what ties them together? *Aginskaya pravda*. 2015, January 26. Available at: http://www.aginsk-pravda.ru/news/chto_obedinjaet_burjatskie_imena_s_nazvanijami_dnej_nedeli_i_planet/2015-01-26-3087-987 (accessed: February 16, 2020). (In Russ.)
- Pavlinskaya L. R. [The Buryats: Essays on Ethnic History, 17th–19th Centuries]. St. Petersburg: Evropeyskiy Dom, 2008. 256 p. (In Russ.)
- Pozdneev A. M. [Essays on the Life of Buddhist Monasteries and Buddhist Clergy in Mongolia, in the Context of Their Relation to the People]. Reprint. Elista: Kalmyk Book Publ., 1993. 492 p. (In Russ.)
- Selvina R. L. Kalmyk personal names. In: [Ethnic Onomastics]. Moscow: Nauka, 1984. Pp. 87–93. (In Russ.)
- Semenova V. I. [Ekhirit Buryats: Personal Names]. Irkutsk: Irkutsk State University, 2005. 190 p. (In Russ.)
- Shulunova L. V. [Buryat Onomastics]. Dr. Sc. (philology) thesis abstract. Ulan-Ude, 1995. 30 p. (In Russ.)
- Synduev Esugey. Personalities: Poets and Writers. Available at: <http://soyol.ru/personas/poets-and-writers/436/> (accessed: February 15, 2020). (In Russ.)
- The Russian Academy of Arts: List of Full Members (Academicians). Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Deystvitel'nye_chleny_RAKh#Spisok_deystvitel'nykh_chlenov_RAKh (accessed: February 21, 2020). (In Russ.)
- Tokarev S. A. Origins of the Buryat people revisited. *Sovetskaya etnografiya*. 1953. No. 2. Pp. 37–52. (In Russ.)
- Tsydendambaev Ts. B. Exploration of Buryatia's onomastics and that of historically related territories as a topical issue of contemporary Buryat studies. In: [Buryat Institute of Social Sciences (Siberian Branch) of the USSR Academy of Sciences: Transactions]. Vol. 26. Ser. 'Linguistics. Onomastics of Buryatia'. Ulan-Ude, 1976. Pp. 3–22. (In Russ.)
- Zalkind E. M. [Incorporation of Buryatia to Russia]. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1958. 318 p. (In Russ.)
- Zhambalova C. G., Igaue N. [The Kaleidoscope: 20th–21st Century Ethnographic Pictures in Oral Narratives of Buryatia-Based Peoples]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch) of RAS, 2010. 412 p. (In Russ.)
- Zhambalova S. G. Buryat genealogical tradition: preservation and revival. In: [World of Central Asia – 2]. Coll. papers. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch) of RAS, 2008. Pp. 68–76. (In Russ.)
- Zhambalova S. G. Buryat name-giving trends in historical perspective: problem formulation revisited. In: [East – West: Axiolinguistic Worldviews]. Conf. proc. (Ulan-Ude: September 24–25, 2009). Ulan-Ude: East Siberia State University of Technology and Management, 2010. Pp. 150–163. (In Russ.)
- Zhambalova S. G. Cross-border cultural monument the epos 'Gesar' — an intangible cultural heritage of mankind. *Issues of Social-Economic Development of Siberia*. 2020. No. 1. Pp. 112–117. (In Russ.)
- Zhambalova S. G. Reminiscences of the Nomadic Way of Life against the Background of Everyday Practices of the Soviet and Post-Soviet Period (Oral Story by G. B. Tudinova). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch) of RAS, 2013. 148 p. (In Russ.)

